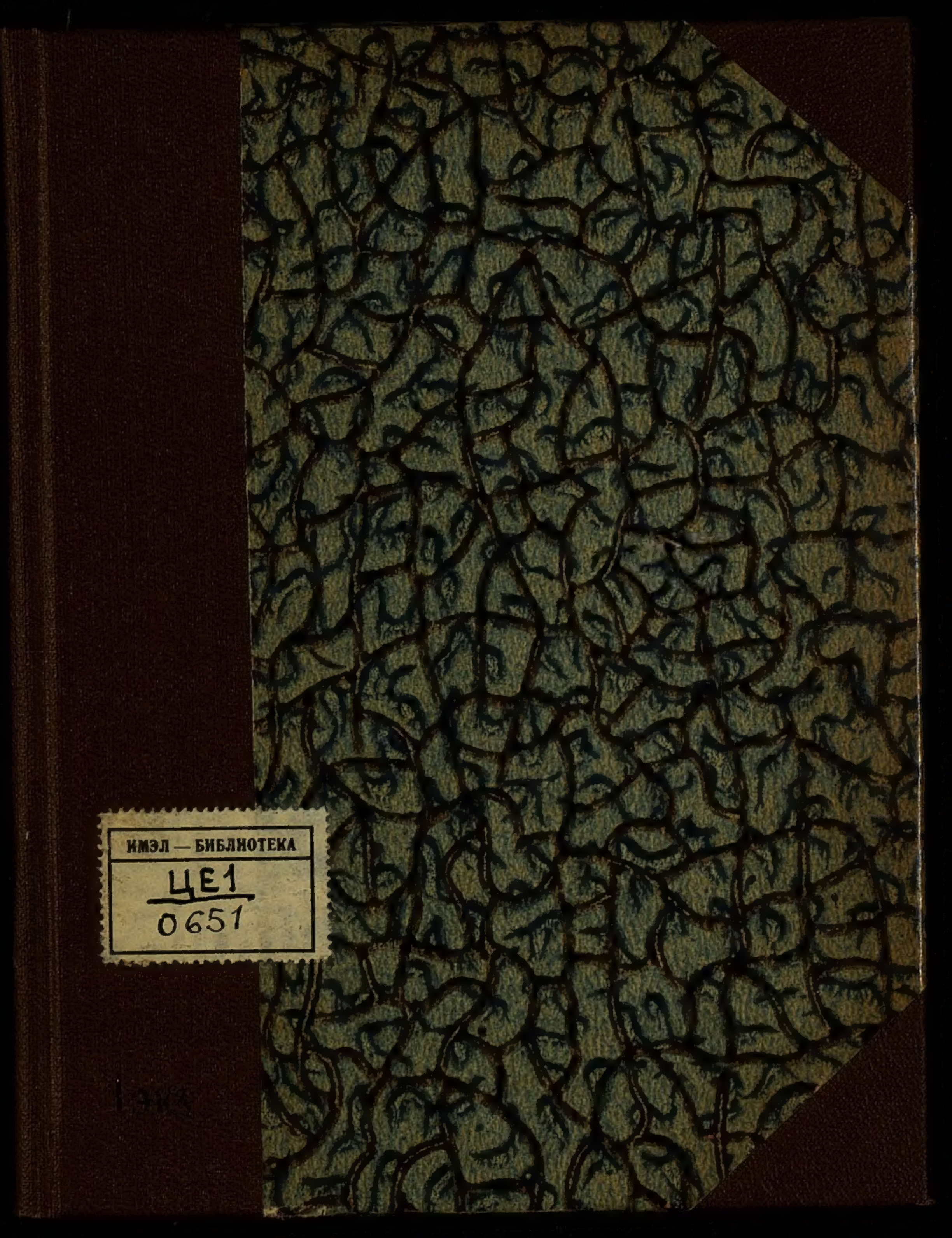
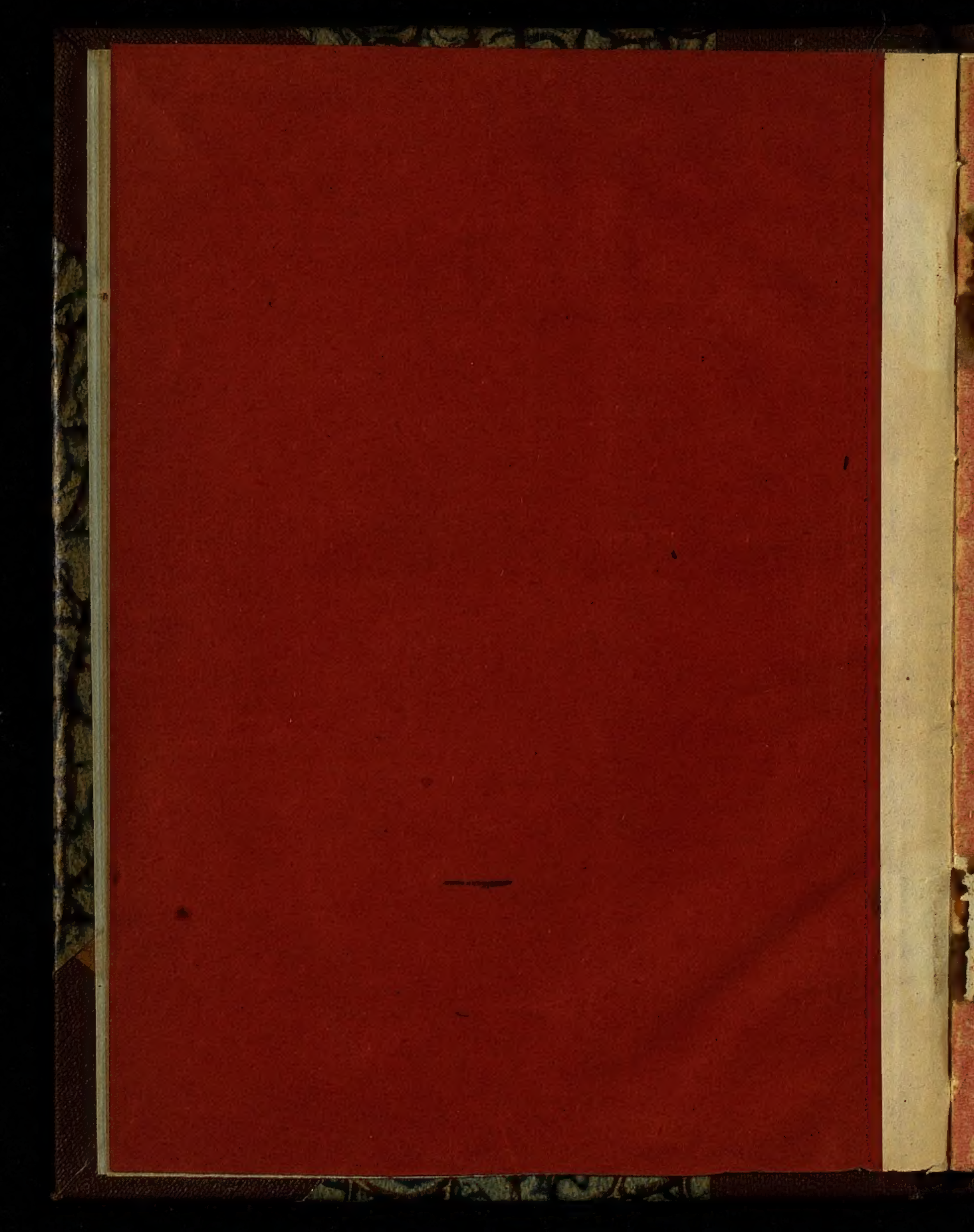

ИМЭЛ — БИБЛИОТЕКА
ЦЕ1
0651

Изданіе Группы „ХЛѢБЪ и ВОЛЯ“.

К. ИЛІАШВИЛИ

О революціи и революціонномъ правительствѣ.

1905.

Изданіе Группы „ХЛѢБЪ и ВОЛЯ“.

Оргеиани К.

К. ИЛІАШВИЛИ.

О революціи и революціонномъ правительствѣ.

1905.

О РЕВОЛЮЦІИ И РЕВОЛЮЦІОННОМЪ ПРАВИТЕЛЬСТВѢ.

I

„...Въ то время какъ пророки и мученики шли все впередъ по раскаленнымъ угольямъ, политиканы разговаривали, не жалѣя льстивыхъ словъ, бросая народамъ и массамъ куски и подачки, чтобы успокоить и угомонить ихъ...“
(„Русь“, 1905 г., № 116. Утопія.)

Удивительно, до какой степени исторія повторяется! Только что мы успѣли вступить въ революціонный періодъ, какъ уже вопросъ о революціонномъ правительствѣ поставленъ, и даже признанъ животрепещущимъ вопросомъ, на который всякая партія, всякая революціонная группа должна имѣть ясный и опредѣленный отвѣтъ. И всѣ, отъ мала до велика, твердятъ въ одинъ голосъ, что тотъ, кто стоитъ за революцію, долженъ признать и революціонное правительство, какъ довершеніе ея, какъ ея необходимую санкцію.

Такъ ли это? Правда ли, что революціонное правительство является довершеніемъ революціи и ея необходимою санкціей?

Мы не разъ уже указывали на то, что никакая партія не можетъ въ себѣ одной вмѣстить революцію, которая, какъ таковая, должна коснуться всѣхъ устоевъ и слоевъ общества, представленныхъ въ революціи различными партіями. Стало быть, претензія русской соц. демократіи, стать выразительницей интересовъ в с е г о русскаго общества, навязать пролетаріату программу, могущую стать знаменемъ „всей русской демократіи“, всего „передового общества“, есть химера, невозможность которой давно доказана изслѣдованіями соціалистовъ о внутреннемъ строеніи капиталистическаго общества. Для насъ, анархистовъ-коммунистовъ, въ современномъ обществѣ нѣтъ ни нравственнаго единства, ни единенія вообще какихъ бы то ни было интересовъ, и поэтому ссылку на общіе итересы „всего передового общества“, въ нашъ вѣкъ съ

вполнѣ обрисовавшейся классовой борьбой, мы считаемъ устарѣлою.

Партія, по силѣ вещей, всегда оказывается выразительницей стремленій и защитницей интересовъ того общественнаго слоя или класса, къ которому она принадлежитъ по своему составу, своей психологіи и идеологіи. Теперь, больше чѣмъ когда либо нужно помнить это, ибо мы, дѣйствительно, теперь вступаемъ въ революціонный періодъ: не сегодня-завтра самодержавіе, этотъ столбъ подневолія, къ которому были привязаны всѣ наши общественныя силы, рухнетъ, и онѣ, сорвавшись съ цѣпи, столкнутся въ кровавой гражданской войнѣ, — вспыхнетъ революція, это великое и творческое нарушеніе силою закона и рутины поддерживаемаго, нестойкаго равновѣсія. Вступившія въ эту гигантскую борьбу общественныя силы будутъ сознавать, что результатомъ ея будетъ не то, что предначертала себѣ каждая изъ нихъ въ отдѣльности, а равнодѣйствующая всей суммы силъ, производящихъ революцію. Едва ли нужно говорить, что каждая изъ этихъ активныхъ силъ будетъ стараться возстановить нарушенное равновѣсіе въ свою пользу и на болѣе прочныхъ началахъ. Пролетаріатъ, какъ одна изъ этихъ силъ — и притомъ наиболѣе крупныхъ — долженъ вмѣшаться самостоятельно въ эту борьбу, въ качествѣ ни отъ кого не зависимаго класса, и энергичнымъ напоромъ отодвинуть линію равнодѣйствующей борящихся силъ въ свою сторону, т. е. въ сторону соціальной революціи. Иной постановки вопроса для пролетаріата не можетъ быть.

Современное общество представляетъ собою совокупность враждебныхъ другъ другу элементовъ, классовъ и кастъ съ непримиримо противорѣчивыми интересами, удерживаемыхъ вмѣстѣ механически и насильственно органомъ правящихъ классовъ — государствомъ. И потому, современное капиталистическое общество есть самое грубое нарушеніе принципа общественности. Въ немъ происходитъ постоянная борьба, то скрытая и затаенная, то бурная и открытая, но не знающая ни пощады, ни перемирія: классы борятся противъ классовъ. При этомъ, каждый изъ нихъ не только борется за торжество своихъ жизненныхъ интересовъ, но еще старается вовлечь въ борьбу за свои классовые интересы другой классъ.

Такъ напримѣръ, буржуазія очень часто во имя „общечеловѣческихъ интересовъ“, во имя „всего передового общества“, во имя „національнаго единства“, „національной чести“ предлагаетъ пролетаріату идти съ ней подъ однимъ знаменемъ. И также у насъ теперь въ Россіи, демократы разныхъ цвѣтовъ и степеней предлагаютъ рабочему классу оставить всѣ неумѣстные и неосуществимыя „при настоя-

щихъ политико-экономическихъ условіяхъ" мечтанія о конечной цѣли соціализма и посвятить свои силы осуществленію программы, могущей стать „знаменемъ всей русской демократіи". Къ счастью, по мѣрѣ того какъ пролетаріатъ развивается и становится сознательнымъ участникомъ общественныхъ переворотовъ, для него дѣлается яснымъ, что онъ не можетъ одновременно служить своимъ интересамъ и интересамъ буржуазіи.

Въ этомъ направленіи начинаетъ работать и сознаніе нѣкоторыхъ революціонныхъ кружковъ въ Россіи, и теперь многіе начинаютъ чувствовать, что, какъ для русской буржуазіи не можетъ быть двухъ понятій о революціи, и какъ она стремится использовать грядущую революцію въ своихъ интересахъ, — такъ и для рабочаго класса есть только одно представленіе о революціи, и что онъ долженъ стремиться со всею энергіею, на какую онъ способенъ, къ своей рабочей революціи. Конечно, можетъ случиться, что ему не удастся сразу и съ перваго размаху осуществить весь свой общественный идеалъ полнаго равенства и свободы, но во всякомъ случаѣ, чѣмъ энергичнѣе онъ будетъ дѣйствовать за торжество *своего* идеала, тѣмъ лѣвѣе проведетъ онъ линію равнодѣйствующей общественныхъ силъ, которую всѣ буржуазные элементы будутъ гнуть вправо — какъ можно дальше отъ соціальной революціи.

Посмотримъ теперь, какія указанія даетъ намъ русская дѣйствительность, а главное, оправдываетъ ли она претензіи нашихъ якобинцевъ, жаждущихъ господства надъ революціей.

Что является общей характерной чертой движенія, вспыхнувшаго въ Петербургѣ, и затѣмъ охватившаго всю Россію? Что бы тамъ не говорили соціальные демократы всякихъ оттѣнковъ, въ чьихъ писаніяхъ мѣстоимѣніе „мы" подозрительно часто повторяется, чѣмъ дальше, тѣмъ яснѣе становится, что развернувшееся огромное движеніе есть чисто *народное*, котораго партіи не только не готовили, но даже не знали вначалѣ, какъ къ нему отнестись. Эту первую черту переживаемаго нами движенія очень важно отмѣтить.

Вторая характерная черта движенія заключается въ томъ, что требованія рабочихъ носятъ если не исключительно, то, во всякомъ случаѣ, главнымъ образомъ, экономическій характеръ. О политико-демократическихъ вопросахъ рабочіе, или вовсе не говорятъ, или говорятъ между прочимъ; даже въ хартіи петербургскихъ рабочихъ этого рода требованія не занимаютъ преобладающаго мѣста. Въ послѣднее время все больше выясняется, что въ Петербургѣ до самой послѣдней минуты и рѣчи не было о разныхъ буржуазно-демократиче-

скихъ прелестяхъ, и самъ ставшій отнынѣ историческимъ св. Гапонъ заговорилъ о нихъ только подъ самый конецъ.

И это понятно. Рабочаго — раба главнымъ образомъ нынѣшняго экономическлаго режима, „хитрая механика" демократизма не можетъ ни увлечь, ни воодушевить, но за то онъ понимаетъ лучше всякихъ теоретиковъ свое угнетеннное положеніе, чувствуетъ голодъ, нищету и холодъ. Выйти изъ этого нищенскаго состоянія — сдѣлалось его постоянной заботой. Рабочій, даже не затронутый соціалистической пропагандой, отлично видитъ, что казна его грабитъ, что капиталисты, министры и чиновники дерутъ съ него по нѣсколько шкуръ и издѣваются надъ нимъ; онъ, хотя и не находитъ для выраженія этого интеллигентскихъ хитрыхъ формулъ, но прекрасно чувствуетъ, что всѣ богатые и сильные міра сего живутъ и жирѣютъ насчетъ его нищеты; онъ сознаетъ, что было бы гораздо лучше для него работать для себя и для своихъ, чѣмъ своимъ потомъ и кровью создавать милліонныя богатства другихъ. Вотъ почему, каждый разъ, когда онъ говоритъ своимъ языкомъ, а не языкомъ суфлеровъ, которые кишатъ вокругъ него, онъ говоритъ революціонно-экономическимъ языкомъ.

Рабочій, хотя ему и ставятъ нуль по сознанію разные чиновники отъ революціи, за то что онъ не особенно ревностно осуществляетъ нужный прежде всего имъ „правовой порядокъ", сознаетъ однако же — иногда инстинктивно, но все же сознаетъ, — что политическая свобода есть для него пустой звукъ, если она не является въ видѣ дополненія къ его экономической свободѣ; что онъ можетъ быть свободенъ политически только постольку, поскольку онъ свободенъ экономически.

Добиваться парламента — ваше право, демократы всѣхъ оттѣнковъ! Парламентъ принесетъ вамъ огромную пользу, ну и добивайтесь его; но не „двигайте" рабочаго, говоря ему, что парламентъ дастъ ему Волю!

Политическая свобода для голоднаго человѣка есть такая же ложь, какъ и свобода труда въ капиталистическомъ обществѣ, которая на практикѣ оказывается свободой эксплуатаціи. Пока будутъ имущіе и неимущіе, послѣдніе всегда будутъ порабощены первыми, и за кусокъ хлѣба сытый всегда будетъ отбирать у голоднаго всю его „политическую свободу". Стоитъ только взглянуть на положеніе рабочаго класса любой страны, чтобы убѣдиться въ неопровержимости этой истины.

Но апологеты буржуазно-демократическаго режима передъ такими соображеніями не останавливаются, и чтобы доказать до какой степени народу чужды наши коммунистическія стремленія, они указываютъ на умѣренность требованій, вы-

ставленныхъ рабочими во время послѣдняго движенія, а затѣмъ побѣдоносно восклицаютъ: „Гдѣ же тутъ коммунизмъ, гдѣ соціализмъ? Развѣ вы не видите, что народъ всего этого не понимаетъ? Нѣтъ, прежде нужно вывести его „на широкую столбовую дорогу прогресса, создать условія борьбы за соціализмъ, а потомъ“ и пр. и пр.

Мы, конечно, согласны признать умѣренность требованій третьей характерной чертой пережитаго и переживаемаго нами движенія, но причину этой умѣренности мы видимъ не тамъ, гдѣ ее видятъ или хотятъ видѣть политиканы.

Главную причину этой умѣренности нужно искать по нашему: 1) во вліяніи политеческихъ партій и 2) въ неумѣніи народа приводить въ цѣльную соціальную систему свои требованія, а не въ его безсознательности и не въ томъ, что ему чужды принципы коммунизма.

Развѣ проповѣдь нашихъ политическихъ партій о томъ, что пока еще не пробилъ часъ соціализма, не умѣряетъ революціонный пылъ народа? Развѣ онѣ не удерживаютъ его отъ нарушенія принциповъ частной собственности? Развѣ, напр. Польская Соц. Партія, ведущая геройскую борьбу съ правительствомъ на политической почвѣ, не признала на экономической почвѣ, преступленіемъ нападеніе на имущества частныхъ лицъ? Развѣ она не восхваляла, какъ актъ сознательныхъ рабочихъ, казнь рабочими рабочихъ же за воровство? И это во время революціи! Развѣ соц. революціонеры не распространяютъ тотъ взглядъ, что теперь разговоры объ экспропріаціи фабрикъ не своевременны, что рабочіе еще не дозрѣли до соціализма? Развѣ они саму соціализацію земли не подчинили идеѣ предварительнаго осуществленія политической свободы? Развѣ они не отворачиваются съ ужасомъ отъ мысли о возможности разгрома банковъ и другихъ капиталистическихъ учрежденій и не приходятъ въ негодованіе передъ, безсмысленнымъ якобы теперь, „антибуржуазнымъ терроромъ“? Не хвастается ли въ свою очередь „Искра“ тѣмъ, что ея сторонникамъ удалось уменьшить въ Гуріи количество актовъ возмездія, направленныхъ противъ враговъ народа? И не считаетъ ли „Впередъ“ сознательною или безсознательною провокаціею выставленіе требованій, превышающихъ простой буржуазно-демократическій характеръ?

Какое другое вліяніе, кромѣ умѣряющаго можетъ оказать все это на народныя массы? Не демократамъ, стало быть, слабо окрашеннымъ въ красный цвѣтъ соціализма, указывать намъ на умѣренность движенія, когда они сами, своимъ неустаннымъ стараніемъ удержать это послѣднее въ рамкахъ программы-минимумъ, и не пускать его дальше политико-

буржуазнаго переворота, не мало содѣйствовали и содѣйствуютъ укрѣпленію въ массѣ этой умѣренности.

Умѣряющее вліяніе политическихъ партій тѣмъ болѣе опасно, что оно сказывается на такъ называемыхъ „передовыхъ, организованныхъ рабочихъ“, которые, по внушенію комитетовъ, стараются во всякомъ движеніи представлять собою авангардъ рабочей массы, вести ее за собою, и, такимъ образомъ, навязываютъ свою умѣренность всей рабочей массѣ. Конечно, имъ не всегда это удается, и случается, что масса идетъ впереди своего „авангарда“, но довольно часто они ведутъ всетаки массу назадъ.

Другая причина умѣренности народныхъ требованій, какъ мы уже сказали, заключается въ томъ, что нородъ не умѣетъ давать строго опредѣленной формулы своимъ стремленіямъ, не умѣетъ приводить ихъ въ цѣльную и законченную соціальную систему. Онъ хочетъ выйти изъ полуголоднаго, нишенскаго существованія, изъ мрака тьмы и невѣжества; онъ хочетъ, чтобы богатые и сильные міра сего, не попирали ногами всѣ его человѣческія права — не разъ давалъ онъ это чувствовать своимъ притѣснителямъ и угнетателямъ. Стало быть не здѣсь его несчастье.

Горе его въ томъ, что, когда онъ переходитъ отъ этихъ желаній и стремленій, вытекающихъ изъ его непосредственныхъ нуждъ, къ практическимъ мѣрамъ ихъ осуществленія, онъ не можетъ сразу найти ихъ — эти мѣры. Вмѣсто того, чтобы подойти къ самому корню зла, онъ хватается за второстепенныя вещи, за мелочи, которыя ничуть не измѣняютъ сути дѣла. Ему нужно время, а главное, болѣе или менѣе продолжительное революціонное броженіе, чтобы могъ вполнѣ развиться его творческій духъ.

Народъ даетъ элементы для построенія соціальныхъ системъ, но самъ построеніемъ ихъ или вовсе не занимается, или занимается только въ исключительные моменты — въ эпохи революціи. Но бѣда въ томъ, что его со всѣхъ сторонъ окружаютъ его „друзья“ и „печальники“ о немъ, и въ самые горячіе моменты борьбы, въ самый разгаръ развертыванія народнаго творчества, они вмѣшиваются въ движеніе и, принимаясь „помогать“ народу, останавливаютъ его на полъ-дорогѣ, не пуская его довести до конца дѣло своего освобожденія.

Исторія полна фактами, показывающими, что эта „помощь“ почти всегда оказывается подвохомъ. Чѣмъ, если не подвохомъ, было слащавое народолюбіе всѣхъ „добродѣтельныхъ“ и „государственныхъ мужей“ Великой Французской Революціи? Чѣмъ, если не подвохомъ, опять-таки, было народолюбіе соціалистовъ, а la Люи Бланъ? Чѣмъ, если не подвохомъ, были напыщенныя прокламціи Ледрю-Роллена въ 1848 году?

„Тебѣ плохо, говорили эти благожелатели народу, ты погрязаешь въ рабствѣ и невѣжествѣ — кто этого не видитъ? Наше сердце надрывается при видѣ твоихъ страданій, и мы неустанно заботимся о тебѣ; но ты не хочешь понять, что у тебя плохой хозяинъ, плохой баринъ. Перемени ихъ, — и все пойдетъ хорошо.“

Наши демократы, и простые и окрашенные соціализмомъ, упорно повторяютъ то же самое. „Провозгласите на мѣсто Николая Земскій Соборъ, говорятъ они мужикамъ и рабочимъ, — и вы станете вольными людьми“. И народъ, это вѣчное дитя, пойдетъ объявлять Земскій Соборъ, отдастъ за него жизнь и кровь свою, въ надеждѣ, что онъ принесетъ ему свободу и счастье!

Руководимый политикананами, занявшими въ наше время мѣсто жрецовъ, волхвовъ и шамановъ, народъ отъ ошибки переходитъ къ ошибкѣ, пока не пойметъ, наконецъ, всю безплодность исканія хорошихъ господъ, хорошихъ хозяевъ и не сознаетъ, что проще и разумнѣе устроиться безъ всякихъ господъ и хозяевъ, которые по самой природѣ своей не могутъ быть хорошими.

Въ латинскихъ странахъ самовоспитаніе народа въ этомъ духѣ уже началось; у насъ же его еще только нужно начать, и, кромѣ, анархистовъ некому взять на себя починъ вызвать массу на самодѣятельность, пробудить въ ней желаніе самовоспитанія. Другія партіи въ этомъ отношеніи ничего не сдѣлаютъ и не могутъ сдѣлать. Ихъ идолъ — дисциплина; они держатся на этой досциплинѣ.

Таковы причины умѣренности народныхъ требованій. И въ виду всего этого, постоянное общеніе съ народомъ, стараніе освободить его отъ предразсудковъ, которыми опутали его впродолженіе долгихъ вѣковъ рабства, и которые мѣшаютъ развитію его революціонной предпріимчивости, освобожденіе его отъ вѣры въ политакановъ и всякихъ другихъ „спасителей“ и опекуновъ, тармозящихъ его шествіе впередъ, умѣряющихъ его революціонный пылъ и мѣшающихъ проявленію „духа разрушенія“, и съ другой стороны — стараніе вызвать въ немъ самодѣятельность и революціонный починъ, смѣлость, дать ему понять все творческое значеніе разрушенія законности и буржуазнаго порядка — есть наша первѣйшая тактическая задача.

На основаніи прошлаго и настоящаго народныхъ движеній мы можемъ сказать, что, если народъ и выставляетъ въ началѣ движенія требованія, умѣренность которыхъ насъ немного смущаетъ, то онъ никогда не остается на почвѣ умѣренности при развитіи движенія; по мѣрѣ расширенія послѣдяго расширяются и его требованія. Въ этомъ, главнымъ

образомъ, и заключается разница между народными требованіями и программою-минимумъ политическихъ партій, которая всегда остается мертвою догмою, рамкою, ставящею границы движенію.

Итакъ, насъ не должна пугать умѣренность народныхъ требованій; эта умѣренность далеко не доказываетъ, что народнымъ массамъ чужды наши коммунистическія стремленія. Наоборотъ, мы знаемъ, что въ эпохи народнаго творчества — въ моменты революціи, — народъ идетъ въ нашу сторону — въ сторону анархіи и коммуны.

Вотъ почему мы такъ враждебно относимся ко всякимъ программамъ-минимумъ, выставляемымъ политическими партіями, этимъ тармозамъ движенія, этимъ страшнымъ и неумолимымъ врагамъ свободнаго народнаго творчества, которое стремится стать анархическимъ.

Мы нарочно такъ долго остановились на общихъ положеніяхъ, и думаемъ, что теперь ясна будетъ наша точка зрѣнія о роли въ революціи революціонера, ясно представляющаго себѣ цѣль и средства соціализма. Говоримъ, „ясно представляющимъ", потому что не достаточно подписать какую нибудь программу соціальныхъ требованій или назвать себя соціалистомъ, чтобы быть имъ. Нужно прежде всего усвоить себѣ эту великую народную мысль, нужно освободться отъ предразсудковъ, накладываемыхъ на насъ буржуазнымъ воспитаніемъ; нужно хорошо проникнуться той мыслью, что пролетаріатъ не можетъ и не долженъ идти по стопамъ буржуазіи въ осуществленіи своей свободы; нужно понять, что, какъ цѣль, преслѣдуемая пролетаріатомъ, разнится отъ цѣли, которую преслѣдовала буржуазія, стремясь къ захвату власти, такъ и средства его должны отличаться отъ средствъ буржуазныхъ революціонеровъ. Нужно знать, наконецъ, что соціализмъ не есть выторговываніе у буржуазіи тѣхъ или иныхъ реформъ, якобы смягчающихъ рабство и приниженность рабочаго класса, какъ хотятъ насъ увѣрить люди минимумовъ, а стремленіе къ полному обновленію жизни на началахъ равенства и свободы—идеалъ этой обновленной жизни. Нужно понять, усвоить все это, и тогда ясно будетъ, что долженъ дѣлать революціонеръ и соціалистъ во время взрывовъ народнаго гнѣва, во время подъема революціоннаго духа массъ, во время стремленія ихъ къ обновленію жизни.

Въ эти моменты онъ будетъ словомъ и дѣломъ содѣйствовать расширенію, углубленію и укрѣпленію въ народѣ тѣхъ стремленій къ свободѣ и равенству, которыя, какъ бы фатально всегда выплываютъ наружу изъ нѣдръ народной души въ такіе моменты революціоннаго броженія, и которыя больше, чѣмъ какія бы то ни было программы-минимумъ, способны

воодушевить народныя толпы. Живымъ примѣромъ личной иниціативы онъ будетъ будить бунтовской духъ въ народѣ, и не отходя ни на шагъ отъ него, черезъ него и для него, онъ пойдетъ вмѣстѣ съ нимъ къ его великой цѣли — „свобода для всѣхъ, довольство для всѣхъ“.

Помышлять же объ ограниченіи революціи, втискивать ее въ узкія рамки — не наше дѣло; это дѣло нашихъ враговъ. Достаточно найдется охотниковъ среди представителей реакціи и реставраторовъ на эту контръ-революціонную работу — не намъ, коммунистамъ-революціонерамъ, пополнять ихъ ряды. Мы всѣми силами должны бороться противъ всякихъ попытокъ ограниченія революціи. Для насъ все равно, откуда исходятъ эти попытки: отъ либераловъ, организующихся для борьбы противъ революціоннаго терроризма и противъ „самозванныхъ идей“, или отъ соціальдемократіи — въ видѣ революціоннаго правительства, нужнаго якобы для довершенія революціи, на самомъ же дѣлѣ служащаго для того, чтобы вырвать революцію изъ рукъ народныхъ, и ведущаго къ ея окончанію. Мы должны неустанно бороться противъ этихъ попытокъ, разоблачая всю ихъ буржуазную, антиреволюціонную сущность. Готовить правительство, какъ бы оно не называлось, значитъ, сознательно или безсознательно, теперь же готовить почву для реакціи. Намъ не правительства теперь нужно готовить, а расширять и углублять самую революцію.

Революціонное правительство преждевременно закончило Великую Революцію, казнивъ Гебера, Шомета, Ру и др. Революціонное правительство погубило революцію 1848 года и подготовило іюньскіе дни. Игра въ правительство привела къ гибели славной памяти Парижскую Коммуну... Неужели для насъ пройдутъ даромъ всѣ эти уроки исторіи? Наши предшественники могли ошибаться, но мы, имѣя опытъ — цѣлый рядъ опытовъ — должны избѣгать повторенія старыхъ ошибокъ; иначе на насъ ляжетъ тяжелая отвѣтсвенность. Нельзя же изъ за слѣпого подражанія буржуазнымъ революціонерамъ толкать рабочую массу на новое пораженіе. Довольно опытовъ!

Что революціонное правительство есть ограниченіе революціи, ясно и опредѣленно доказываютъ сами же его сторонники. Напримѣръ, „Впередъ„ такъ опредѣляетъ задачи грядущаго:

„Глубокомысленныя политическія тупицы предостерегаютъ соц. демократію отъ чрезмѣрно дѣятельной организаціи революціи: это можетъ привести къ такой ужасной вещи, какъ преждевременная демократическая диктатура пролетаріата и крестьянства. Преждевременная! Нѣтъ! Самое

время теперь пролетаріату стать во главѣ народа для революціоннаго осуществленія своей программы-минимумъ, которая должна стать знаменемъ всей русской демократіи. Пролетаріатъ проведетъ ее до конца и заложитъ тѣмъ фундаментъ для грядущей соціалистической борьбы. Мы отвергаемъ, какъ утопію, какъ безсознательную провокацію, всякую попытку навязать пролетаріату невыполнимую при настоящихъ соціально-экономическихъ условіяхъ задачу немедленнаго осуществленія максимальной программы, т. е. немедленнаго созданія соціалистическаго строя; мы будемъ неустанно разъяснять рабочему, что только самостоятельная классовая организація городскихъ и сельскихъ пролетаріевъ есть надежный залогъ освобожденія труда отъ гнета капитала; но мы съ презрѣніемъ отбросимъ также трусовъ, робко оглядывающихся кругомъ, не замѣтно ли гдѣ либеральнаго генерала или сановника, которому можно было бы препоручить революцію, скромнехонько посторонившись. Нѣтъ! Сторонитесь вы, генералы и сановники, профессора и капиталисты: пролетаріатъ выступаетъ, чтобы исстроить вамъ вашу буржуазную республику, и онъ построитъ ее такъ, чтобы наилегче было перестроить ее на соціалистическихъ началахъ, когда придетъ желанный часъ." („Впередъ", № 10. Перед. статья.)

Намъ часто приходилось возмущаться словами и актами соц. делократіи; часто программа и тактика ея подвергались нашей критикѣ, но мы должны сознаться, что нигдѣ еще соціалистическая мысль не доходила но такого цинизма; нигдѣ и никогда еще, кажется, не бравировала такъ соц. демократія своими буржуазными взлядами и планами.

Теперь не ясны ли наши опасенія, что соц. демократія, въ союзѣ съ буржуазными демократами, постарается закончить преждевременно революцію, не давъ ей развернуться во всю свою ширь и глубь? Развѣ навязываніе народу черезъ посредство революціоннаго правительства программы-минимумъ, пріемлемой всей „русской демократіей", не есть ограниченіе революціи? Не значитъ ли это, что изъ грядущей революціи хотятъ вытѣснить не только дѣло, но и мысль соціалистическую? И не предвѣщаетъ ли реакцію заявленіе, печатаемое въ органѣ цѣлой партіи: „мы отвергаемъ, какъ утопію, какъ безсознательную провокацію, всякую попытку, (кур. нашъ) невыполнимую при настоящихъ соціально-политическихъ условіяхъ, задачу немедленнаго осущестленія нашей максимальной программы" ?..

Но только почему не договаривать до конца, почему не заявить прямо, что къ тѣмъ, которые безъ вашего разрѣшенія будутъ всетаки звать крестьянъ къ захвату земли — всей земли — и рабочихъ къ захвату фабрикъ и заводовъ, вы бу-

дете примѣнять „всѣ строгости революціонныхъ законовъ“? Почему не писать, не печатать это, когда это говорится, когда вы думаете и мечтаете объ этомъ?

Какъ исторія повторяется! Стоило выступить на сцену еще пока только проэкту революціоннаго правительства, какъ съ нимъ вмѣстѣ уже появилось и одно изъ его вѣчныхъ и вѣрныхъ оружій — инсинуація. Провокація! — слово брошено.

На самомъ дѣлѣ, люди революціоннаго правительства всегда употребляли по отношенію своихъ противниковъ, кромѣ „строгостей“, клевету и инсинуацію. При помощи интригъ и инсинуацій якобинцы взвели на эшафотъ Дантона, его друзей, Камиля Демулена — этого „дитя революціи“. Инсинуаціями и клеветою они убили Гебера, Шомета, Ру и др. Клеветою же они убили „оратора человѣчества“, „личнаго врага Іисуса“ — Анархарсиса Клотца.

Нужно было уничтожить кого нибудь, сейчасъ же пускалась въ ходъ клевета: „Онъ потихоньку становится на сторону короля, онъ хочетъ возстановить королевство“. Тотъ пруссакъ, этотъ австріакъ, а тотъ дружитъ съ аристократіею... и гильотина готовилась къ встрѣчѣ гостей.

Гдѣ тутъ заниматься разслѣдованіемъ, кто правъ, кто виноватъ. До того ли тутъ было, въ такое горячее время. „А! говорятъ, что онъ водится съ аристократіею, онъ австріакъ — изъ породы этой ненавистной королевы... на эшафотъ его!“

Не на такой ли эффектъ разсчитаны и инсинуаціи „Впереда? Будемъ надѣяться, что революція, народъ обрѣжетъ крылья этимъ мечтамъ.

Читая во „Впередѣ“ всѣ эти статьи: „Полицейскіе Пугачевы“, о „Временномъ Правительствѣ“ и др., переполненныя мелкими инсинуаціями по адресу слишкомъ „сангвиничныхъ революціонеровъ“, невольно припоминаешь знаменитыя слова Верньо: „Есть люди, каждое дыханіе которыхъ по самой ихъ природѣ — ложь, равно какъ ядъ змѣй, которыя по натурѣ своей живутъ только для его выдѣленія.“

Мы видѣли выше, до чего договорились поклонники революціоннаго правительства уже теперь, когда они еще пока только мечтаютъ о немъ. Что же будетъ, если они на самомъ дѣлѣ заберутъ его въ свои руки? Горе тогда соціалистамъ, принимающимъ въ серьезъ свой соціализмъ, и стремящимся къ его осуществленію!..

Да иначе не можетъ и быть. Всякое революціонное правительство есть торжество законности — антипода революціи, а революціонное правительство, о которомъ мечтаютъ наши соціальные демократы, явится кромѣ того торжествомъ буржуазной законности. Ибо рѣчь вѣдь идетъ не просто о дикта-

турѣ пролетаріата, (т. е. о соціалистическомъ переворотѣ), а о демократической диктатурѣ пролетаріата и крестьянства*), что, какъ извѣстно, далеко не одно и то же.

Провозглашеніе принциповъ демократіи еще не влечетъ за собой перемѣнъ въ отношеніяхъ труда и капитала, не уничтожаетъ экономической зависимости пролетаріата отъ буржуазіи, не свергаетъ самодержавія буржуазіи. Демократія есть установленіе болѣе нормальныхъ и прочныхъ условій эксплуатаціи труда, и разъ диктоторская власть очутится въ рукахъ демократіи, которая есть прежде всего буржуазія, то естестественно, что она употребитъ ее не на то, чтобы копать себѣ могилу, а для того, чтобы прочнѣе основать свое господство, чтобы убить въ самомъ зародышѣ всѣ попытки пролетаріата преобразовать экономическія основы современнаго общества.

Одно изъ двухъ: или народъ разобьетъ весь старый режимъ, и тогда нечего будетъ прибѣгать къ революціонному правительству, тормозящему только революціонную инициативу и революціонное творчество народа, который даже по признанію г. Плеханова всегда стремился къ Землѣ и Волѣ; или народъ не побѣдитъ, или побѣдитъ частично, — и тогда революціонеры не только не должны брать на себя почина объявленія диктатуры, хотя бы даже и демократической, а наоборотъ, всѣми силами должны мѣшать установленію сильнаго правительства.

* * *

Итакъ, революціонное правительство всегда играетъ противонародную роль; чтобы держаться, оно оказывается принужденнымъ опираться на полицейскую, а не революціонную силу возставшаго народа. Оно должно быть готово, если это понадобиться, выступить противъ чрезмѣрныхъ требованій народа; бить вправо — во враговъ революціи, но также бить и влѣво — въ друзей революціи, стремящихся довести ее до ея логическаго конца. Однимъ словомъ, сама необходимость принуждаетъ его быть серединою, изъ которой въ нужный моментъ можетъ выйти болото, а въ болотѣ какъ извѣстно всегда водятся гады.

Робеспьеръ билъ, съ одной стороны, жирондистовъ, но онъ же свирѣпствовалъ противъ самой рѣшительной, передовой части кордельеровъ; онъ взвелъ на плаху Гебера, Шомета и Ру. Щадилъ онъ только центръ, на которомъ онъ и держался. Къ этой гибели, хотя м. б. и несознательно, идутъ и наши соціальные демократы, мечтающіе о революціонномъ

*) См. „Впередъ", №№ 10, 13 и 14.

правительствѣ. „Не слишкомъ влѣво, не слишкомъ вправо“ — уже сдѣлалось ихъ тактическимъ лозунгомъ.

Борьба со всѣмъ, что лежитъ внѣ центра, внѣ точной середины между двумя крайностями — самая основная черта революціоннаго правительства. И, такъ какъ эта борьба ведется правительствомъ, она подчасъ принимаетъ настолько безполезно-жестокій характеръ, что возстановляетъ противъ революціи не только тѣхъ, которые по отношенію къ ней раньше держались „дружественнаго нейтралитета“, но даже и друзей ея. Реакція всегда пользуется такими моментами и, пріободренная естественнымъ раздраженіемъ народа противъ революціоннаго правительства, берется за оружіе и смѣло выступаетъ противъ революціи. А въ случаяхъ ея побѣды, изъ центра, на который опиралась диктатура, вылѣзаетъ „болото“ и контръ-революція.

Такъ случилось и съ Робеспьеромъ. Онъ ослабилъ Парижскія секціи, ослабилъ подъ конецъ и Парижскую Коммуну, и когда наступило 9 термидора и онъ палъ подъ тяжестью ошибокъ своей диктатуры, революцію некому было защищать: Маратъ былъ убитъ, Дантона, Демулена, Гебера и въ особенности безчисленныхъ и безыменныхъ народныхъ героевъ, составляющихъ силу революціи — онъ уничтожилъ; а огромное большинство поддерживавшихъ его своими голосами оказались гадами „болота“.

Таковъ урокъ исторіи. Если при этомъ принять во вниманіе стремленіе всякой диктатуры къ концентраціи всѣхъ силъ страны въ одномъ центрѣ, вокругъ котораго, какъ голодные волки, начинаютъ рыскать всевозможные жулики и шарлатаны политики, вродѣ знаменитаго корсиканца, съ цѣлью захватить его въ свои руки, чтобы имѣть возможность господствовать надъ всей страной, — и тогда ясно станетъ, какимъ страшнымъ обоюдоострымъ оружіемъ является революціоное правительство, даже, состоящее изъ лучшихъ передовыхъ людей.

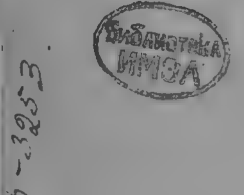
Итакъ, напрасно нѣкоторые соціалисты, еще не освободившіеся отъ якобинскихъ предразсудковъ, указываютъ на революціонное правительство, какъ на необходимый органъ для осущестленія желанной программы. Повторяемъ, то, чего не осуществила революція — не осуществитъ никакое революціонное правительство. Ссылки на Конвентъ или вовсе ничего не доказываютъ, или доказываютъ одно: люди, ссылающіеся на него, не знакомы съ народнымъ движеніемъ, подъ давленіемъ котораго онъ дѣйствовалъ. Конвентъ не добровольно принимался за осуществленіе того или иного народнаго требованія, а признавалъ эти требованія лишь послѣ того, какъ народъ фактически, революціонно уже

проводилъ ихъ въ жизнь. Конвентъ оказался вынужденнымъ пойти на уступки возставшему народу, какъ современный парламентъ оказывается иногда принужденнымъ пойти навстрѣчу народнымъ требованіямъ.

Революціонное правительство какъ довершеніе революціи, есть буржуазная выдумка, и соціалисту совсѣмъ не къ мѣсту стремиться къ нему. Понятно, что демократы хотятъ его, чтобы не дать революціи зайти слишкомъ далеко, чтобы ограничить ее сверженіемъ самодержавія. На то они буржуазные революціонеры, которымъ мы не можемъ и не должны подражать.

Буржуазные революціонеры гнутъ свою линію, — мы должны гнутъ свою; они хотятъ использовать народную революцію въ своихъ интересахъ, — мы должны стараться, чтобы она послужила интересамъ народа. Буржуазные революціонеры хотятъ, чтобы народъ низвергъ самодержавіе и передалъ власть въ ихъ руки, — мы должны стараться, чтобы народъ свергнулъ не только самодержавіе, но попытался свергнуть и власть всѣхъ богатеевъ, отбирая у нихъ фабрики, заводы и землю-кормилицу. Они пользуются народомъ, но боятся его, — мы должны быть съ народомъ, и не только не бояться его, но всѣ наши надежды обновленія жизни возлагать на него. Они хотятъ дѣйствовать сверху на народъ, — мы должны вмѣстѣ съ народомъ дѣйствовать снизу вверхъ и нашу работу обновленія всѣхъ источниковъ жизни начать съ самаго фундамента. Они хотятъ, воспользовавшись революціею укрѣпиться въ „революціонномъ" правительствѣ, отдѣлившись отъ народа, — мы должны остаться съ народомъ, на улицахъ, въ секціяхъ, въ группахъ, и слѣдить за всѣми врагами революціи, въ томъ числѣ и за революціоннымъ правительствомъ, чтобы они не задержали, не задушили революціи.

II

Sans les utopistes d'autrefois, les hommes vivraient encore misérables et nus dans les cavernes. Ce sont les utopistes qui ont tracé les lignes de la première cité. Il faut plaindre le parti politique qui n'a pas ses utopistes. Des rêves généreux sortent les réalités bienfaisantes. L'utopie est le principe de tout progrès et l'esquisse d'un avenir meilleur.* A. FRANCE.

Въ первой главѣ, разобравъ наше отношеніе къ революціонному правительству, мы старались показать враждебность всякаго правительства къ революціи. Революція есть отрицаніе, прямая противоположность всякаго правительства, и сопоставленіе этихъ двухъ словъ: революція и правительство есть самое грубое нарушеніе законовъ логики, совершенное извращеніе понятій.

„Революція — синонимъ „безпорядка" и ломки въ нѣсколько дней вѣковыхъ учрежденій, насильственнаго разрушенія установленныхъ формъ собственности, уничтоженія кастъ, быстраго измѣненія общепринятыхъ вглядовъ на нравственность, или скорѣе на лицемѣріе, занимающее ея мѣсто, личной свободы и независимаго дѣйствія — есть какъ разъ обратное, отрицаніе правительства, являющагося синонимомъ „установленнаго порядка", консерватизма, сохраненія существующихъ учрежденій, подавленія личной иниціативы и дѣятельности".**) Между революціей и правительствомъ, по силѣ вещей, существуетъ самый непримиримый антагонизмъ. Революція, въ соціальномъ, народномъ смыслѣ этого слова, начинаясь съ момента разрушенія господствовавшаго до нея порядка, продолжается до установленія новаго правитель-

*) Безъ утопистовъ прежнихъ временъ, люди до сихъ поръ еще ходили бы голыми и влачили свое жалкое существованіе въ пещерахъ. Утописты провели черту перваго города. Нужно жалѣть политическую партію, не имѣющую своихъ утопистовъ. Смѣлыя мечты даютъ благодѣтельную дѣйствительность. Утопія — это принципъ всякаго прогресса и эскизъ лучшаго будущаго. Анатоль Франсъ.

**) Paroles d'un révolté, Кропоткина, стр. 247.

ства, что кладетъ ей конецъ, и противъ чего она всегда борется.

Мы не стали бы повторять всѣ эти общеизвѣстныя истины, еслибы въ настоящую минуту, подъ вліяніемъ увлеченія буржуазно-демократической волной, онѣ не были забыты всѣми, даже соціалистами.

Стремленіе нашихъ соціалистическихъ партій къ образованію временнаго революціоннаго правительства имѣетъ своимъ источникомъ невѣріе въ народъ, въ народную революцію. И это нисколько не удивительно со стороны людей, сохранившихъ государственные предразсудки. Государство есть отрицаніе народа, и вполнѣ понятны та боязнь народа и отсутствіе вѣры въ него, которыя характеризуютъ государственниковъ.

Какъ, въ сущности, наши соціалисты-государственники смотрятъ на роль народа въ революціи? Постарайтесь глубже вникнуть въ ихъ мысль, проанализируйте тщательнѣе ихъ теорію и тактику, и вы убѣдитесь, что они признаютъ за народомъ только нѣкоторое право на разрушеніе, совершенно отрицая въ немъ существованіе всякой способности къ созиданію. Вѣрные своимъ государственнымъ предразсудкамъ, они, признавая за народомъ нѣкоторое право на разрушеніе, ограничиваютъ его и здѣсь. Ни одинъ соціалистъ-государственникъ, призывая народъ къ разрушенію существующаго политическаго режима, не забудетъ указать ему, что именно надо разрушать, и чего трогать ни подъ какимъ видомъ не слѣдуетъ. Соціальный демократъ, зовя толпу на разрушеніе, напримѣръ, какого нибудь полицейскаго участка, пугается своего собственнаго призыва: „А что, если толпа не только разнесетъ участокъ, но и ограбитъ барскій домъ, или богатый магазинъ, красующійся напротивъ?“ И онъ никогда не забудетъ постараться убѣдить массу, которую онъ зоветъ на борьбу съ полиціей, войскомъ и вообще правительствомъ, не трогать частныхъ жилищъ и помѣщеній. Государственныя партіи, конечно, предпочли бы обойтись безъ народа и въ дѣлѣ разрушенія, чтобы сдѣлать это съ меньшимъ рискомъ для своихъ предвзятыхъ идей о государствѣ; но т. к. гигантскую работу разрушенія совершить въ силахъ только народъ, то волей неволей они обращаются къ нему, заранѣе принимая всѣ мѣры, чтобы не пустить его слишкомъ далеко и сейчасъ же послѣ сверженія правительства, вырвать изъ его рукъ революцію. Для достиженія этого послѣдняго революціонное правительство есть лучшее средство.

Мы ставимъ вопросъ немного иначе. Мы признаемъ за народомъ не только неограниченное право на разрушеніе

всего существующаго режима, но и на созданіе на его развалинахъ новыхъ формъ жизни.

* * *

Правительственная механика лопнула, тяжелая бюрократическая машина сломана, чиновничество, стая вороновъ, разсѣяно, войско дезорганизовано, полиція — эта сторожевая собака буржуазіи — разбита, двери тюремъ открыты, всѣ охранители привилегій имущихъ классовъ попряталисъ, скрываясь отъ народнаго гнѣва... Однимъ словомъ, все, что держало народъ въ страхѣ и подчиненіи, присмирѣло, развалилось. Языки развязались: мужикъ, измученный и изстрадавшійся въ многовѣковомъ рабствѣ, съ гнѣвомъ и жаждой мщенія въ голосѣ говоритъ объ ужасной эксплуатаціи, которой подвергали его помѣщики и кулаки -- піявки „деревенской бѣдноты", чиновники и всякіе другіе холопы государства; рабочій разсказываетъ о своемъ нескончаемомъ мартирологѣ. Народный умъ работаетъ усиленнымъ темпомъ, стараясь устроиться такъ, чтобы старое никогда не вернулось; мысль кипитъ, новыя идеи смѣняютъ старыя одряхлѣвшія понятія о жизни обществъ. Что то великое начинаетъ созрѣвать въ умѣ народа — этого дитя, которое растетъ и мужаетъ въ эпохи революцій. Насталъ періодъ полнаго безвластія — свободы дѣйствія. „Голыми ногами, по раскаленнымъ угольямъ" народъ шелъ къ ней и, наконецъ, добрался... Всѣ цѣпи пали: предъ нимъ Революція!

Что же дальше? съ тревогой и волненіемъ спрашиваютъ со всѣхъ сторонъ.

Образовать временное революціонное правительство! громко заявляютъ политиканы, чувствуя, что время ихъ вмѣшательства пришло.

Если народъ послушаетъ ихъ и приступитъ къ наименованію новаго правительства, или если онъ признаетъ власть какого нибудь комитета, произвольно занявшаго мѣсто свергнутаго правительства -- революція кончена, и все, что будетъ сдѣлано дальше этимъ новымъ, якобы революціоннымъ правительствомъ, будетъ лишь отходною революціи.

Моментъ, когда формируется новое правительство, силясь укрѣпиться на мѣстѣ стараго, есть рѣшительный моментъ въ революціи. Въ эти страшныя и опасныя для революціи минуты всѣ дѣйствительно искренніе друзья народа должны держать ухо остро, слѣдить за дѣйствіемъ всѣхъ сознательныхъ и безсознательныхъ враговъ революціи и главное быть на готовѣ, чтобы, не давъ политиканамъ овладѣть довѣріемъ народа, на вопросъ, „что же дальше?" *отвѣтить фактическимъ продолженіемъ революціи*. Вос-

пользовавшись благопріятными условіями, создавшимися вслѣдствіе паденія прежняго правительства, и періодомъ безвластія, давшимъ просторъ личнымъ попыткамъ, они должны звать народъ на фактическое разрушеніе всѣхъ старыхъ учрежденій, не щадя, не оставляя ни одного изъ нихъ, ибо ихъ преобразованіе гораздо труднѣе и мучительнѣе, чѣмъ созданіе новыхъ, лучше соотвѣтствующихъ новой жизни и новымъ требованіямъ. Революціонеръ долженъ быть смѣлымъ и рѣшительнымъ не только физически, онъ долженъ умѣть не только рисковать своей жизнью, но и въ области мысли умѣть приносить въ жертву свои предразсудки и суевѣрія — печальное наслѣдіе рабскаго прошлаго, съ которымъ всегда бываетъ такъ трудно порвать.

„Смѣлость, еще смѣлость, всегда смѣлость, и революція спасена“, говорилъ Дантонъ, одинъ изъ героевъ 10 августа. Но дѣло въ томъ, что эта смѣлость, спасающая революцію, пріобрѣтается только глубокою вѣрой въ народъ, и ужъ никакъ не его боязнью. Чѣмъ дальше пойдетъ народъ въ дѣлѣ разрушенія стараго режима, чѣмъ глубже послѣдній будетъ захваченъ революціею, чѣмъ основательнѣе будутъ разрушены всѣ старыя учрежденія, тѣмъ труднѣе сдѣлается всякій шагъ назадъ, тѣмъ невозможнѣе станетъ, даже въ случаѣ пораженія революціи, возвратъ прежняго рабства и прежнихъ порядковъ.

* * *

„Но какъ же безъ правительства, безъ учрежденій, облеченныхъ диктаторскою властью, пойдетъ дальнѣйшій ходъ революціи? И въ особенности, какъ народъ сможетъ совершить экспропріацію? Вѣдь ежели онъ всей своей массою станетъ забирать общественныя богатства въ свои руки, — это перейдетъ въ сплошной грабежъ; онъ надѣлаетъ массу несправедливостей и погубитъ все дѣло.“ — Такъ возражаютъ намъ, „людямъ съ упрощеннымъ умомъ“, хитрые, очевидно съ утонченнымъ умомъ, демократы.

Всякій думающій человѣкъ легко замѣтитъ специфически интеллигентскій характеръ этого возраженія. Этимъ людямъ народъ нуженъ лишь для того, чтобы свергнуть правительство, разогнать и дезорганизовать войско и полицію, но чтобы потомъ рабочіе на фабрикахъ и заводахъ, а крестьяне въ деревняхъ и селахъ стали сами устраивать свои дѣла, — этого ни-ни! До такого скандала они не допустятъ.

Характерна эта боязнь грабежа со стороны народа, предоставленнаго самому себѣ.

Грабежъ, это произвольное присвоеніе кѣмъ нибудь того, что имъ не создано, не сработано, и потому не принадлежитъ

ему. Но развѣ народъ, рабочіе, крестьяне и вообще весь трудящійся и производящій людъ, можетъ совершить грабежъ, да еще во время революціи? И не показываютъ ли жирондистскую душу люди, такъ много говорящіе послѣднее время о возможномъ грабежѣ со стороны народа во время революціи и замалчивающіе ту несомнѣнную истину, что если революція будетъ только политическою, она освятитъ и узаконитъ совершенный надъ народомъ буржуазіею грабежъ?

Соціалисты, запугивающіе насъ всенароднымъ грабежемъ, идутъ по стопамъ буржуазіи, которая пользовалась этимъ пугаломъ во всѣхъ революціяхъ. Не буржуазія ли, не богатые ли и имущіе всегда запугивали пропагандистовъ, указывая имъ на грабежъ, какъ на возможное послѣдствіе ихъ пропаганды? Не называла ли буржуазія грабежемъ и безчинствомъ всякія попытки народа вернуть себѣ хоть часть похищеннаго у него помѣщиками и капиталистами имущества? Это старая пѣсня, которая никого больше не обманетъ.

* * *

Зная теперь, почему прошлыя революціи не удались, имѣя опытъ, мы считаемъ своимъ долгомъ воспользоваться имъ, и всякими средствами содѣйствовать распространенію той мысли, что угнетенные и обездоленные должны, прежде всего, стремиться къ своему экономическому освобожденію. Для насъ нѣтъ и не можетъ быть такой исторической необходимости, которая могла бы съ правомъ потребовать отъ трудящихся массъ отказаться отъ борьбы за свои жизненные интересы и добровольно поддаться обману своихъ враговъ. Нѣтъ такой исторической необходимости, которая требовала бы отъ насъ, соціалистовъ, засунуть глубоко въ карманъ нашу соціалистическую программу и пока-что работать въ интересахъ буржуазной революціи. Нѣтъ такой исторической необходимости, п. ч. экономическое освобожденіе эксплуатируемыхъ есть такая же историческая необходимость, такая же неотложная и насущная задача нашего времени и нашей дѣйствительности, какъ и ихъ политическое освобожденіе. Поэтому эти два требованія: политическая свобода и экономическая нераздѣльны.

Буржуазія имѣетъ основаніе стремиться т о л ь к о къ политической свободѣ, но обездоленные имѣютъ не меньше основаній не довольствоваться этой словесной свободой, а искать фактической свободы, которую они получатъ лишь экспропріировавъ буржуазію, городскую и сельскую. Имъ нѣтъ разсчета останавливаться на полъ-дорогѣ, на разрушеніи современнаго политическаго режима; они должны вести

свое дѣло до конца и, не боясь совершить „несправедливости“, въ самой широкой степени произвести то, что наши жирондисты окрестили именемъ грабежа. Отнимая у буржуазіи богатства, накопленныя трудомъ человѣчества, въ продолженіе долгихъ вѣковъ нищеты и лишеній, народъ совершитъ актъ высшей справедливости, вернувъ труженикамъ плоды ихъ труда.

Необходимо, не дожидаясь образованія новаго правительства, и, наоборотъ, всѣми мѣрами мѣшая его установленію, на первыхъ же порахъ, во всѣхъ возставшихъ городахъ завладѣть всѣми зданіями, чтобы въ первую же ночь торжествующей революціи армія бѣдняковъ могла ночевать въ домахъ, а не подъ воротами гдѣ нибудь, подъ мостами, или въ оврагахъ; завладѣть магазинами съѣстныхъ припасовъ и пекарнями, которыя должны сейчасъ же перейти въ руки рабочихъ революціонныхъ организацій, и ихъ дальнѣйшее функціонированіе уже будетъ находиться подъ руководствомъ послѣднихъ. Нужно завладѣть всѣми имѣющимися запасами платья, передавъ ихъ въ руки тѣхъ же рабочихъ организацій, которыя и займутся ихъ распредѣленіемъ. Нужно уничтожить всю судопроизводственную маклатуру, выпустивъ изъ тюремъ всѣхъ безъ исключенія заключенныхъ, и политическихъ, и уголовныхъ; уничтожить всевозможныя государственныя бумаги, долговыя обязательства, купчія крѣпости; овладѣть банками, захватить все, что подлежитъ захвату, все, что можетъ быть использовано и уничтожить все ненужное, безполезное, лишнее, всякіе векселя, облигаціи и пр. рухлядь. Нужно, чтобы первый же день торжествующей революціи принесъ народу пищу, жилища и одежду, словомъ все необходимое, въ чемъ ему такъ безжалостно отказываетъ современное общество; нужно, чтобы онъ нашелъ въ революціи свое благо, тогда онъ, „какъ левъ разъяренный“, будетъ защищать и продолжать революцію, въ которой онъ справедливо увидитъ право на счастливую, свободную жизнь, а во всѣхъ противникахъ ея, своихъ враговъ.

Но если народъ не хочетъ быть лишній разъ обманутымъ, всю эту гигантскую работу обновленія жизни онъ долженъ совершить самъ; и именно всей своей массой,*) если

*) Намъ могутъ сказать, что вся масса ничего не дѣлаетъ, а дѣйствуетъ революціонное меньшинство. Совершенно вѣрно: революціонное меньшинство является иниціаторомъ, увлекаетъ массу и т. д. Но мы думаемъ, что это революціонное меньшинство не должно никогда выдѣляться изъ народа ни въ революціонное правительство, ни въ какіе либо центральные комитеты. Оставаясь въ массѣ, оно будетъ дѣйствовать

не хочетъ, чтобы его массою воспользовались политиканы всякаго рода, которые, не жалѣя „льстивыхъ словъ“, щедро будутъ кидать ему разныя подачки, „чтобы успокоить и угомонить“ его, воспользоваться имъ въ качествѣ подмостковъ, чтобы добраться по нимъ до власти, которую они сейчасъ же повернутъ противъ него.

Народъ не долженъ и не можетъ поручать никому дѣло своего освобожденія, въ особенности экономическаго, а самъ безстрашно и безбоязненно, презирая и слащавость, и льстивыя слова, и угрозы, и клеветы политикановъ, вести его до конца.

Возможно, что дѣло не пойдетъ вполнѣ гладко съ самаго начала, что многое изъ сдѣланнаго придется поправить, переорганизовать впослѣдствіи, возможно, какъ намъ возражаютъ, что одинъ заберетъ двѣ хорошія комнаты, а у другого окажется одна плохонькая комнатенка, одинъ возьметъ себѣ нѣсколько цѣльныхъ костюмовъ, а другому достанется одинъ, да и то неважный, — все это, конечно, возможно, но что значитъ весь этотъ „хаосъ и безпорядокъ“, которымъ насъ такъ часто пугаютъ въ сравненіи съ теперешнимъ „порядкомъ“? Главное, чтобы все было взято народомъ, а всѣ эти незначительныя неровности, которыя могутъ возникнуть въ первые дни экспропріаціи, легко будетъ потомъ исправить. Если же мы будемъ думать о томъ, какъ бы поскорѣе посадить новое правительство, чтобы не оскорбить чувство справедливости нашихъ жирондистовъ, боящихся, какъ бы во время революціи кто нибудь лишній пиджакъ себѣ не присвоилъ, то случится то, что случалось во всѣхъ революціяхъ: люди революціоннаго правительства будутъ медлить, будутъ „бриссотировать“, будутъ умѣрять пылъ черезчуръ „сангвиничныхъ революціонеровъ“ и кончатъ, или либеральной реакціей или контръ-революціей.

* * *

Все выше сказанное относится къ фактической, дѣйствительной революціи, и если таковая произойдетъ, на что мы надѣемся, то она кончится не въ два и не три дня, а будетъ длиться болѣе или менѣе продолжительный періодъ времени. Продолжительность есть одно изъ условій успѣха революціи. Въ этотъ періодъ осуществляется положительная программа революціи и будутъ поправляться нѣкоторыя „неровности“ предшествовшаго „стихійнаго“, т. е. массового разрушенія.

вмѣстѣ съ нею; и въ этомъ смыслѣ мы говоримъ о дѣятельности всей массы, которую мы выдвигаемъ въ противовѣсъ тѣмъ государственнымъ людямъ, которые хотятъ создать якобинскіе комитеты, чтобы дѣйствовать за народъ, сверху внизъ.

* * *

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что идеи наши оказали извѣстное вліяніе на умы. Теперь многіе признаютъ справедливость нашей критики буржуазной революціи, но большинство продолжаетъ упорствовать, и въ качествѣ высшаго аргумента, ссылаются на „русскую дѣйствительность".

Мы не знаемъ такой дѣйствительности, ни русской, ни французской, ни какой либо другой, которая могла бы вызвать въ насъ сомнѣніе въ прочности нашихъ соціалистическихъ принциповъ. Именно анализъ дѣйствительности доказываетъ намъ необходимость соціализма, и слѣдовательно, неизбѣжность соціальной революціи. Анализъ дѣйствительности приводитъ насъ къ убѣжденію, что нужно покинуть область теоретическихъ споровъ о соціализмѣ и взяться за его практическое проведеніе въ жизнь.

Все это общія мѣста для соціалиста, и пока рѣчь идетъ объ этомъ вообще, многіе соціалисты соглашаются съ нами, но когда разговоръ переходитъ спеціально на русскую почву, какъ то незамѣтно для себя они становятся на точку зрѣнія оппортюнистовъ: „все это, конечно, вѣрно, но пока мы всетаки должны пережить буржуазную революцію..." „Сначала мы должны вывести народъ на широкую столбовую дорогу прогресса, а потомъ..." и т. д. Всѣ эти „сначала", „потомъ" и т. д. по нашему суть лишь признаки логической трусости. Двумъ богамъ, двумъ идеаламъ и притомъ совершенно противоположнымъ, служить нельзя.

Возможность, необходимость и разумность коренной перестройки современныхъ политическихъ и экономическихъ отношеній объясняется объективно-историческими причинами, и если наши субъективныя соображенія не противорѣчатъ имъ, мы должны встать на сторону революціи. Другого исхода нѣтъ для того, кто не хочетъ впасть въ самый пошлый оппортюнизмъ; но кто предпочитаетъ послѣдній исходъ, пусть проявитъ достаточно прямоты и честности и такъ и заявитъ это.

Мы, анархисты предпочитаемъ первый исходъ: революцію, и революцію соціальную, такъ какъ другой революціи, мы, какъ соціалисты, коммунисты, желать не можемъ.

Признавая соціальную революцію неизмѣнной руководящей идеей соціалистическихъ стремленій, признавая ее неизбѣжной даже съ точки зрѣнія самого холоднаго разума, признавая далѣе ее соотвѣтствующей и нашей волѣ, мы хотимъ ее полной, неограниченной никакими оппортюнистическими соображеніями. Поэтому мы считаемъ для себя обязательнымъ участвовать во всякомъ народномъ движеніи во имя

всего нашего идеала, всей суммы нашихъ стремленій. Идеалъ же нашъ очень простъ и ясенъ, и тамъ, гдѣ существуетъ страшный гнетъ и униженіе человѣческой личности, тамъ, гдѣ происходитъ эксплуатація человѣка человѣкомъ и государствомъ въ самой сильной степени, гдѣ голодъ, холодъ и лишенія свили себѣ прочное гнѣздо, тамъ, гдѣ нарушены всѣ законы справедливости, гдѣ страданіе слишкомъ глубоко и сильно, чтобы была возможность еще ждать и терпѣть, онъ не можетъ не быть понятымъ и услышаннымъ, п. ч. онъ есть лишь выраженіе вѣчныхъ стремленій народныхъ массъ.

Онъ весь можетъ быть резюмируемъ въ слѣдующихъ немногихъ пунктахъ:

1) Уничтоженіе государства и всякой власти, создающей законы и навязывающей ихъ другимъ; иначе говоря, уничтоженіе арміи, полиціи, судопроизводства и всякихъ другихъ учрежденій, обладающихъ принудительной властью. „Уничтоженіе того, что называется историческимъ правомъ и политическою необходимостью государства, во имя права для всякаго населенія, большого или малаго, слабаго или сильнаго, такъ же, какъ для каждой отдѣльной личности располагать собою съ полной свободой, независимо отъ нуждъ и притязаній государства, и ограничивая эту свободу только равнымъ правомъ другихъ.“*)

Разрушеніе государства есть исходный пунктъ всякой истинно соціальной революціи. Государство есть главный оплотъ всего существующаго рабства. „Государство, это — насиліе, притѣсненіе, эксплуатація, несправедливость, возведенныя въ систему и сдѣлавшіяся краеугольнымъ камнемъ существованія всякаго общества. Государство никогда не имѣло и не можетъ имѣть нравственности. Его нравственность и его единственная справедливость есть высшій интересъ его самосохраненія и всемогущества — интересъ, предъ которымъ должно преклоняться все человѣчество. Государство есть полное отрицаніе человѣчества, отрицаніе двойное — и какъ противоположность человѣческой свободы и справедливости, и какъ нарушеніе всеобщей солидарности человѣческаго рода“.**)

2) Уничтоженіе частной собственности, которая есть продуктъ насилія, грабежа, хищничества и обмана. Частная собственность не подлежитъ ни реформѣ, ни смягченію. Ее нужно уничтожить, ибо общество, основанное на принципѣ частной собственности, порождающей неравенство и конкуренцію, всегда останется ареной грабежа, насилія и обмана.

*) Рѣчи Бакунина на Конгрессѣ Лиги Мира и Свободы.

**) Тамъ же.

„Подчиненіе работника капиталу есть источникъ всякаго политическаго, нравственнаго и матеріальнаго рабства.“*)

3) Обращеніе въ общественную собственность земли со всѣми ея богатствами, всѣхъ орудій труда, зданій, фабрикъ, заводовъ и мастерскихъ.

4) Полное уничтоженіе наемнаго труда. Отмѣна не только теперешней монетной системы, но и системы рабочихъ чековъ, которая также можетъ благопріятствовать процессу накопленія.

„Всѣ усилія работниковъ должны быть устремлены не на созиданіе новыхъ привиллегій, а на установленіе для всѣхъ людей безъ исключенія одинаковыхъ правъ и одинаковыхъ обязанностей“.**)

5) Организація производства и потребленія на коммунистическихъ началахъ. Равенство между собою всѣхъ членовъ общества безъ различія пола и возраста. Руководящій принципъ: отъ каждаго по способностяхъ, каждому по потребностямъ.

6) Разрушеніе всѣхъ современныхъ юридическихъ нормъ, якобы регулирующихъ отношенія между людьми. Признаніе только добровольно принимаемыхъ договоровъ, которые, конечно, не могутъ имѣть характеръ вѣчности и измѣняются сообразно желанію членовъ, руководимыхъ наукою, опытомъ и интересами всѣхъ и каждаго.

7) Общественное воспитаніе подрастающихъ поколѣній. Безусловное равенство всѣхъ въ воспитаніи. Воспитаніе должно быть свободно отъ всякихъ религіозныхъ и метафизическихъ догмъ и покоиться на настоящей наукѣ.

8) Обезпеченіе свободы и существованія слабыхъ, престарѣлыхъ и немощныхъ.

9) Разрушеніе современной семьи со всѣми ея юридическими и религіозными основами. Единственно разумная и возможная основа семейной жизни есть дѣйствительная любовь, свободная отъ всякаго давленія, экономическаго или физическаго, нравственнаго или религіознаго.

10) Уничтоженіе границъ или вообще всякаго территоріальнаго дѣленія. „У пролетарія отечества нѣтъ“.

Отечество свободнаго человѣка не можетъ имѣть другихъ границъ, кромѣ границъ самой земли. — Свободный человѣкъ въ свободной общинѣ, свободная община въ свободной федераціи, которая, постепенно расширяясь, обниметъ собою все человѣчество.

---

*) Изъ статутовъ Интернаціонала.

**) Изъ статутовъ Интернаціонала.

„Освобожденіе работниковъ не есть дѣло мѣстное или національное, а дѣло по преимуществу интернаціональное.“*)

* * *

Таковъ нашъ идеалъ. Какъ бы онъ ни казался утопичнымъ сторонникамъ „практичныхъ мѣръ“ и „реальной политики“, которыя всегда являлись послѣднимъ убѣжищемъ реакціи и вообще всѣхъ почему либо не желающихъ идти впередъ, мы, анархисты, во всякомъ народномъ движеніи, во всякой революціи должны руководиться имъ и только имъ. Осуществится ли онъ завтра, послѣ завтра, вообще въ скоромъ будущемъ? Мы этого не можемъ знать; мы знаемъ, что онъ осуществимъ, что онъ жизнеспособенъ, и слѣдовательно откладывать борьбу за его осуществленіе — оппортюнизмъ. Мы знаемъ еще, что у насъ надвигается революція, — то, что она принесетъ, зависитъ отъ степени сознательнаго участія въ ней народа, что не подлежитъ точному вычисленію.

Будущая революція принесетъ тѣмъ больше реальной пользы народу, чѣмъ больше онъ будетъ проникнутъ выше указаннымъ идеаломъ. Чѣмъ ярче и рѣзче будутъ выставлены принципы соціализма во время революціи, тѣмъ плодотворнѣе послѣдняя будетъ для народа, даже въ случаѣ его пораженія.

Признавая выше указанный идеалъ нашей руководящей идеей, мы не можемъ довольствоваться его теоретическимъ признаніемъ, и, какъ выразился однажды Либкнехтъ, думаемъ, что соціализмъ не есть вопросъ теоріи, а вопросъ практики. Результаты будущей революціи будутъ соотвѣтствовать реальной суммѣ энергіи, которую проявятъ соціалисты въ борьбѣ за осуществленіе своего идеала.

* * *

Какова же должна быть наша боевая позиція, характеризующая насъ, какъ группу, какъ направленіе? Изъ всего выше сказаннаго она вытекаетъ сама собою, но для большей ясности и рискуя повториться, резюмируемъ ее въ нѣсколькихъ словахъ:

1. Изученіе русской дѣйствительности насъ приводитъ къ тому глубокому убѣжденію, что Россія не можетъ выйти изъ современнаго хаотическаго положенія безъ глубокой народной революціи, затрагивающей одновременно всѣ „священныя основы“ стараго общества. Иначе говоря, революція не должна быть только политической, которая измѣнитъ лишь форму общественныхъ отношеній, не касаясь ихъ основъ.

*) Изъ стат. Интернаціонала.

Поэтому мы, признавая необходимость глубокой перестройки современныхъ формъ общежитія, стремимся, чтобы одновременно съ этимъ произошелъ глубокій переворотъ въ современныхъ экономическихъ отношеніяхъ.

2. Соціальной будущая революція неизбѣжно будетъ, и. ч. въ ней будетъ принимать участіе трудящаяся масса во имя своихъ болѣе или менѣе опредѣленныхъ общественныхъ идеаловъ; но мы не можемъ знать, гдѣ и когда ее остановятъ тѣ, кого Геберъ называлъ лжецами и мистификаторами.

Революція, смотря по мѣсту и условіямъ, въ которыхъ она происходитъ, можетъ принять болѣе или менѣе глубокій характеръ, въ зависимости оттого, руководится ли масса соціалистическими принципами въ своей борьбѣ или увлечена политиканами. Но каковъ бы ни былъ характеръ революціи, задача сознательнаго соціалиста и революціонера одна: помогать массѣ отыскивать дорогу, ведущую вѣрно къ цѣли, указывать на всѣ опасности, которыя могутъ угрожать ей, воодушевлять ее, и тамъ, гдѣ есть возможность, служить живымъ примѣромъ революціонной предпріимчивости въ смыслѣ практическаго проведенія въ жизнь соціалистическихъ принциповъ. Пользуясь дезорганизаціей власти, идти вмѣстѣ съ народомъ на фактическое разрушеніе существующаго строя, захватомъ земли, всевозможныхъ орудій труда, земледѣльческихъ машинъ и продуктовъ, фабрикъ, заводовъ, мастерскихъ, всѣхъ зданій и капиталовъ всякаго рода, желѣзно-дорожныхъ линій и прочихъ средствъ передвиженія и сообщенія, магазиновъ и складовъ. Все это должно перейти не въ руки революціоннаго правительства, а рабочимъ и крестьянскимъ организаціямъ. Экспропріація должна быть совершена самой народной массой; положиться на правительство, называй оно себя даже революціоннымъ или временнымъ, — ошибка, которая можетъ имѣть роковыя послѣдствія для революціи.

3. Попытки обобществленія средствъ производства и потребленія мы должны совершать повсюду, гдѣ только есть возможность это сдѣлать, мало занимаясь вопросомъ, согласны ли съ нами всѣ. Мы стоимъ за необходимость, по выраженію Карла Маркса, „деспотическаго вторженія въ область частной собственности“. Даже частичное проведеніе принциповъ коммунизма, если это окажется возможнымъ, можетъ сыграть огромную историческую роль.

Если же, хотя бы только въ одномъ какомъ нибудь мѣстѣ, удастся объявить и удержать, хоть на нѣкоторое время, коммуну, она сдѣлается могучимъ средствомъ пропаганды, практической апологіей коммунизма, и безъ всякаго сомнѣнія найдетъ себѣ подражателей. Коммуна — живой примѣръ воз-

можности и выгодности для трудящихся массъ устройства жизни на соціалистическихъ началахъ, и поэтому ея даже кратковременное существованіе тысячами привлечетъ людей въ революціонный лагерь соціализма и сдѣлаетъ гораздо больше для практическаго осуществленія соціализма, чѣмъ 50-лѣтняя широкая мирная пропаганда.

Иначе говоря, мы признаемъ возможность частныхъ коммунальныхъ возстаній, на подобіе Парижской Коммуны 71-го года, но въ случаѣ такихъ возстаній на насъ лежитъ обязанность избѣгать старыя ошибки и съ упорною послѣдовательностью проводить федералистическую систему. По нашему, Коммуна должна представить собою въ городахъ федерацію автономныхъ, вольныхъ участковыхъ организацій — отдѣловъ коммуны: городъ дѣлится на участки, каждый участокъ образуетъ секцію коммуны, состоящую изъ людей живущихъ въ этомъ участкѣ. Эти то отдѣлы и возьмутся за организацію производства, причемъ каждый изъ нихъ займется организаціей тѣхъ видовъ производства, которые уже раньше существовали въ данномъ участкѣ. Отдѣлы, конечно, очень подробно будутъ знать производственныя силы и потребительныя нужды своего участка, количество жителей и обитаемыхъ домовъ, будетъ знать и число производителей, и сообразно со всѣмъ этимъ поведутъ внутреннее хозяйство участка Участки вступаютъ въ соглашенія при посредствѣ спеціально для этой цѣли назначенныхъ уполномоченныхъ. Совѣтъ уполномоченныхъ никакими законодательными правами не будетъ снабженъ, — едва ли нужно прибавлять, что онъ не будетъ стоять во главѣ арміи и полиціи, которыя будутъ совершенно уничтожены. Въ устройствѣ внутренняго хозяйства отдѣлы будутъ совершенно независимы; въ вопросахъ же, касающихся всей коммуны, онѣ будутъ дѣйствовать согласно, заранѣе координируя свои дѣйствія посредствомъ общаго коммунальнаго совѣта.

Въ деревняхъ организаціонную работу будутъ выполнять сельскія коммунальныя организаціи и федерація деревень. Гурійскіе крестьяне уже проложили дорогу въ этомъ направленіи. Они въ первые же дни возстанія старались превратить каждую деревню, въ которой одерживали побѣду надъ мѣстными властями, въ самоуправляющуюся крестьянскую общину, прогоняли всѣхъ правительственныхъ чиновниковъ и назначали своихъ людей, которые и отправляли всѣ сельскія дѣла, согласно рѣшенію самихъ крестьянъ, высказанному на общекрестьянскомъ собраніи. Въ одной только Верхней Имеретіи было болѣе 60 такихъ попытокъ образованія самоуправляющихся общинъ. Попытки эти были разбиты правительствомъ, но такъ или иначе принципъ коммуна-

листической организаціи деревень былъ ярко выставленъ крестьянами.

Это въ высшей степени важый фактъ, показывающій, насколько коммунализмъ народенъ и слѣдовательно понятенъ. Стоитъ только его выставить въ доразвитомъ видѣ и онъ найдетъ съ самаго начала серьезный откликъ среди народа, т. к. онъ выросъ въ его средѣ, онъ — народная идея.*)

4. Если экспропріацію удалось совершить, нужно позаботиться о защитѣ результатовъ ея отъ злонамѣреній оставшихся сторонниковъ стараго режима и прочихъ вомзжныхъ враговъ. Организацией этой защиты займутся тѣ отдѣлы, о которыхъ мы говорили выше, и при малѣйшей контръ-революціонной попыткѣ набатный звонъ возвѣститъ народу, которому революція стала уже дорога, что противъ нея готовится покушеніе.

5. Не будучи пророками и не дѣлая точныхъ предсказаній относительно будущей послѣ-революціонной формы общежитія, мы можемъ предвидѣть одно: если будущая революція не будетъ остановлена на полъ-дорогѣ или задушена, она не оставитъ непоколебимымъ современный централистически-государственный порядокъ, — русскій народъ ничѣмъ не засвидѣтельствовалъ своей любви къ государству; наоборотъ, его возстанія и вся его исторія показываютъ, что онъ сознательно или безсознательно всегда стремился устроиться помимо него. Улавливая эту коммуналистическую черту во всѣхъ нашихъ поистинѣ народныхъ движеніяхъ, мы ставимъ своею практическою задачею борьбу со всякимъ централизмомъ, дезорганизацію государства, какъ территоріально, такъ и въ его отправленіяхъ, и будемъ содѣйствовать словомъ и дѣломъ возникновенію мѣстныхъ, независимыхъ областей, городовъ и деревень, которые по желанію будутъ входить въ союзы, федераціи. Отстаивая во всемъ независимость общинъ отъ всевозможныхъ посягательствъ государства, если таковое возникнетъ противъ нашей воли, внутри образовавщихся самостоятельныхъ единицъ мы будемъ бороться противъ всякихъ возможныхъ пережитковъ государства до ихъ полнѣйшаго исчезновенія.

6. Если будущая революція совершитъ сразу экспропріацію, она получитъ такую внутреннюю силу, которая дастъ ей возможность бороться и противъ всякихъ попытокъ оформленія государства съ цѣлью задушить ее, и противъ всякихъ попытокъ извнѣ. Но если допустить, что революція будетъ побѣж-

---

*) Мы не претендуемъ дать точный и опредѣленный планъ будущей коммуны. Этотъ примѣръ приводится здѣсь лишь для характеристики нашего коммунальнаго организаціоннаго принципа.

дена,что экспропріація не приметъ предполагаемые нами размѣры, — и въ этомъ случаѣ она принесетъ человѣчеству огромную пользу ускореніемъ соціальной революціи : помимо того, что возстаніе въ виду экпропріаціи дастъ пролетаріату, даже побѣжденному, нѣкоторыя улучшенія, оно сдѣлаетъ невозможнымъ всякое возстаніе не имѣющее своею цѣлью экспропріацію немногихъ въ пользу всѣхъ. Послѣдующія революціи принесутъ безусловное прекращеніе эксплуатаціи и, слѣдовательно, равенство экономическое и политическое, работу для всѣхъ, солидарность и свободу.

Именно теперь, въ минуты революціоннаго броженія, когда самосознаніе народа проясняется, когда онъ начинаетъ придавать болѣе или менѣе опредѣленную форму своимъ стремленіямъ, мы должны стараться, чтобы наши идеи экспропріаціи и безгосударственнаго коммунизма проникли въ массу. Мы должны разъяснять ей разницу между революціей соціальной — революціей, совершенной ею въ своихъ интересахъ, и той, какую разные мастера хотятъ заставить ее совершить въ интересахъ враждебнаго ей класса. Ни въ коемъ случаѣ экономически-угнетеннымъ положеніемъ народа не должно пользоваться, какъ простымъ „двигателемъ" для вовлеченія его въ обще демократическое движеніе. Никогда цѣлью народныхъ движеній мы не должны ставить политическій переворотъ. Народъ долженъ проникнуться убѣжденіемъ, что политическій переворотъ не можетъ стать даже временной его цѣлью, и всегда и всюду на первый планъ, выдвигать свое экономическое освобожденіе. Только это сознаніе необходимости экономическаго освобожденія, безъ котораго политическая свобода есть пустой звукъ, спасетъ народъ отъ новыхъ ошибокъ и вредныхъ увлеченій, давая ему возможность различать своихъ друзей отъ враговъ.

Наша малочисленность („quantité negligeable", какъ говорятъ члены „крупныхъ" партій) насъ не должна смущать, — въ революціонные періоды идеи воспринимаются съ поразительной быстротой.

Эта соціалистическая пропаганда и агитація должны дополняться фактической борьбой, но борьбой сознательно антибуржуазной и антигосударственной, и таковой могутъ служить всѣ формы революціонно-экономической борьбы.

7. Имѣя въ виду, что революція только въ томъ случаѣ можетъ стать глубокой и широкой, можетъ принести народу плоды, соотвѣтствующіе количеству потраченной энергіи и принесенныхъ жертвъ, когда она затянется, когда у нея будетъ достаточно времени, чтобы заглянуть въ каждый уголокъ страны, въ каждую глухую деревушку, всюду сѣя новыя идеи, возбуждая энергію и жажду новой жизни, —

мы должны всѣми силами бороться противъ всего, что можетъ остановить ростъ революціи, и въ томъ числѣ, противъ революціоннаго правительства, содѣйствуя созданію лишь такихъ организацій и группъ, которыя будутъ имѣть цѣлью развитіе въ народѣ самодѣятельности, его разрушительной и созидательной силы. Та истина, что когда революція переходитъ изъ рукъ народа въ руки поклонниковъ диктатуры, народъ снова становится подчиненнымъ и революція кончается — должна крѣпко засѣсть въ наши головы.*)

* * *

Таковъ въ общихъ чертахъ долженъ быть характеръ нашей дѣятельности.

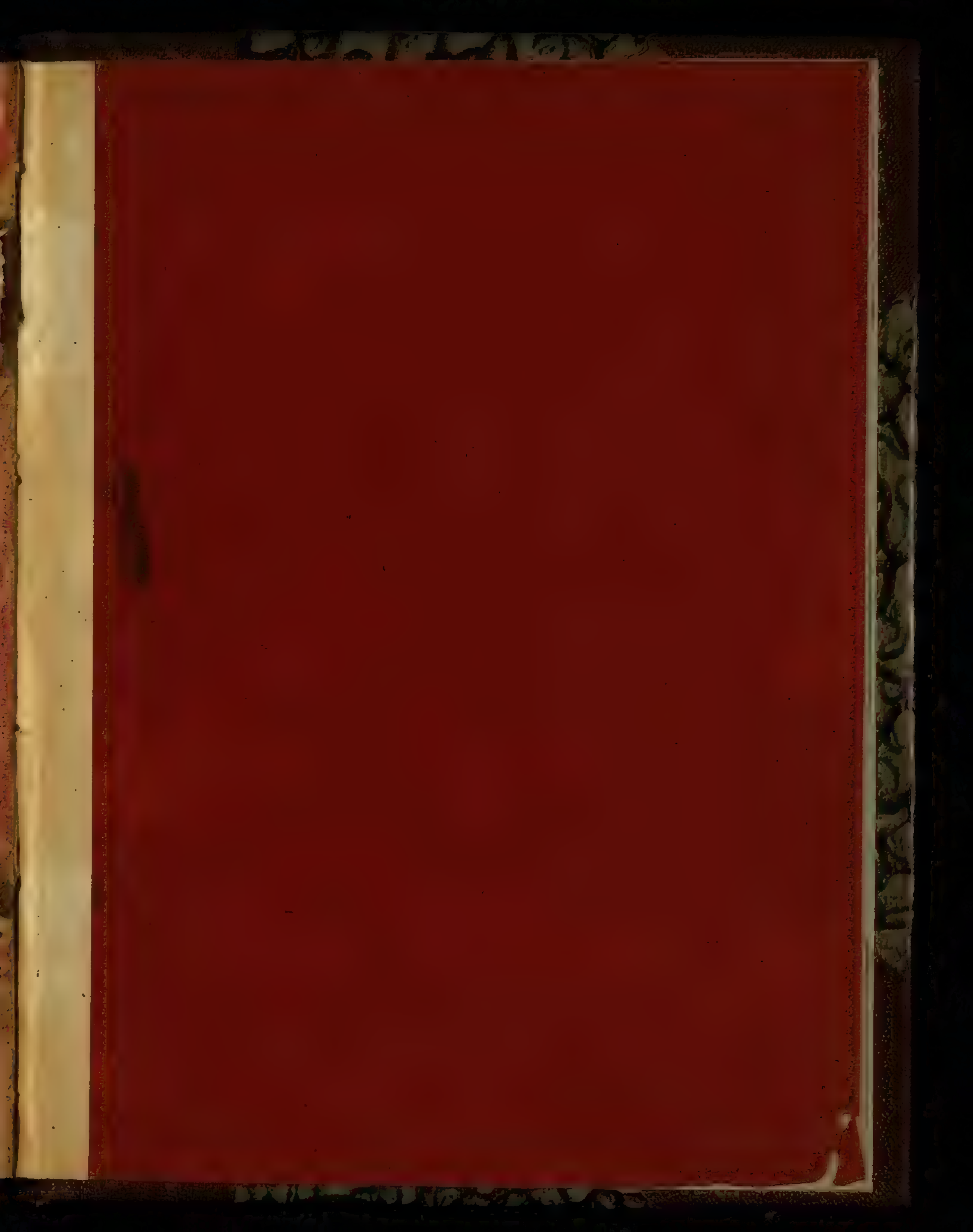
Дѣйствуя такимъ образомъ во имя полнаго, не урѣзаннаго и неизвращеннаго соціалистическаго идеала, мы не отходимъ отъ народа, не создаемъ на мѣсто старыхъ новые предразсудки и не измѣняемъ нашей цѣли.

Это, говорятъ намъ, „утопично". Насъ это слово не пугаетъ. Наоборотъ, теперь, когда подъ вліяніемъ всеобщаго увлеченія буржуазно-демократической волной, люди готовы позабыть всѣ принципы соціализма, когда „реальные политики, не любящіе висѣть въ воздухѣ", готовы продать и соціализмъ, и соціальную революцію за чечевичную похлебку конституціонализма, — мы какъ то невольно начинаемъ бояться не быть достаточно „утопичными", т. е. людьми, стремящимися не къ перемѣнѣ формы рабства, а къ его совершенному уничтоженію; не къ прикрытію ужаснѣйшаго зрѣлища нищеты, страданій и униженія народа, чтобы они не безпокоили слишкомъ нервы нѣкоторыхъ господъ, а къ полнѣйшему прекращенію гнета и эксплуатаціи.

Люди, считающіе лишнимъ и неумѣстнымъ во время революціи выставленіе принциповъ соціализма и борьбу за нихъ, по нашему глубокому убѣжденію фактически, въ данную минуту по крайней мѣрѣ, не соціалисты, и упрекъ отъ такихъ людей въ утопизмѣ насъ не можетъ смущать, какъ не смущались имъ „пророки и мученики", написавшіе лучшія страницы исторіи борьбы за свободу своимъ страстнымъ стремленіемъ къ „утопіи" — къ соціализму.

*) При составленіи этой части статьи, авторъ въ значительной степени пользовался докладомъ Левашева съѣзду Юрской Федераціи, заключительная часть котораго была напечатана въ „le Révolté", 1-й годъ, № 19.

30 centimes

E. Held, rue de Carouge, 49, Genève.

